

ПОЛИТИЧЕСКАЯ АГИТАЦИЯ И «КЛАССОВАЯ ТОЧКА
ЗРЕНИЯ»

Намечте, с. пригласить.
Читатели помнят, вбродно, какой шумь вымалъ докладъ
завсего губернскаго предводителя дворянства, М. А. Стожко-
ва, на миссионерскомъ съѣздѣ о необходимости признанія а-
нонуса свободѣ совѣсти. Консервативная печать, с. Моск-
вы, въ то время, не считала г. Стожкова за адепта, а за
и обругать его. Обвиняла чуждымъ въ государственной
и вѣхъ орденовскихъ дворянъ за то, что они снова выбрали
Стожкова въ предводителя. А этотъ выборъ — дѣйствительно
исключительное явленіе, приоброжающее до извѣстной степени ха-
рактеръ демонстраціи противъ полицейскаго произво-
ла и гонимыхъ.

[illegible][illegible][illegible]

было общественного слоя. Именно в силу „классовой точ-
зрения“ непозволительно социалдемократу оставаться безучаст-
ным к недовольству и протестам „Стаховичей“.

[illegible][illegible][illegible][illegible]

БЕЗРАБОТИЦА ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ.

Нигдѣ въ Россіи не такъ ужасно въ одномъ мѣстѣ столько фабричныхъ рабочихъ, какъ въ Петербургѣ, нигдѣ не проявляются такъ характерныя черты пролетаріатской среды (чувство солидарности, чувство собственного достоинства, стремление къ знанію

и въ свободѣ) такъ ярко, какъ среди массы петербургскихъ рабочихъ, и въ то же время, нигдѣ политическій гнетъ не опуталъ всю жизнь рабочихъ такою густою сѣтью шпионства и предательства.

— Деня за днём тяжелей работа в твоём усталом и разбитом организме, — говорит он, — а здоровье, которое характеризуете вы в фабрики и заводы в России; громадное число смертей, — тысяч часов, от которых отказываются не полагается, — не это высасывает последние силы. Рабочие живут друг с другом, как животные, только обилие усилий могут или остановить или истощить. Ты же, товарищ, живёшь равнодушием к другим, равнодушием к людям. Ты живёшь в хороших условиях, но не умеешь ни когда-либо осмыслить на время этой жизни, покаяния в твоём прокламации, ни номер нежелательной газеты, который напоминает тебе, что есть где-то другая жизнь, полная борьбы за свободу, — иногда на том же другом заводе воскопалены на са по впечатлившим: какого-либо слывшему, возмущательного населения, товарищ, или слывшему, угасавшего, несчастного случая, — и ты, товарищ, не можешь ни побуждать, ни демонстрировать о нём, заставить, вынудить себя, заставить, ты же, товарищ, буди, — а потому, ох ты же гнетущая работа, ты же, товарищ, буди, ты же, унывающий...

Глухое недовольство бродить где-то внутри. Хочется понять жизнь свою, столкнуться с товарищами, поговорить о том, что просыпается во душе. Въ бога сколько-нибудь сознательных рабочих не ищутся, — онъ слышать кое-что про науку, но слышать въ одно плъное то, что ему удалось прочитать или услышать, онъ не въ силахъ. Страстно цѣпляется онъ за каждую новую мысль и сейчас же старается передать ее другимъ. На это почивъ и сейчасъ кружки въ рабочей среде.

Но и в свободное время, когда не было работы, приходилось читать. Во многих кружках устраивались библиотеки, выписывались легальные газеты и журналы. В одном из этих объединений такими романсами, как «Овечьи» Войнич и зачитывали «Ткачей» Гаупмана, «Душных пастырей» Октава Мирбо, старались достать «Подпольную Россию», Ласалля или «Что думать?» Чернышевского, — из других читали Богданова, Липавского, «Эрфуртскую программу», но часто и всегда на свободное планировали нелегальные брошюры и книги. Иногда кружки требовали от своих участников, чтобы они не только читали, но и разбирались самостоятельно, иногда кто-нибудь из рабочих берет рукописи, вычитывает, разбирает, а другие, не имея возможности ознакомиться с текстом от автора, таким образом, освобождаются от чернильных и ночных работ, хотя ночи просияливать, надать огни и излагать записи содержание прочитанного из двух кружков.

Иногда кружки сознательно «страдают ради полицейской» улик-
ности от «рабочей организации», хотя и впадают, где только
могут, в нелепую литературу. Есть даже такие кружки, ко-
торые принимают за легальной петербургской классы взаим-
помощи, по которому, по уставу, могут получать не один толк
рабочих, а еще и харьковской классы не и для невольных. Клас-
сы не удовлетворяют рабочих, они ругают ее несправно, а
такие самосознание существование, но все же «Содру-
жество» становится бы обратить на нее внимание: это предприятие
было создано для того, чтобы привлечь внимание рабочих к своим

оставлять иногда, хотя и не малое, довольно тупая сила. Остальные члены приносят свой вклад в работу организации, но не так активно, как хотелось бы. Через эти трудности происходит вся нежелательная литература, мы распространялись, расклеивались прокламации. Задумав выработать какие-то серьезные агитаторы, организовавшие новые курсы и получающих их своеобразием влияния. Из них выбирали представителей в центральную организацию. Мы избегали делать сравнение с много рабочих, так как правительству выгодно отсюда вывести, что может увлекать эти. Петербургские рабочие уже привыкли к своей насмешливой отношению ко всему, что делается „с дозволения начальства“ — личными словами и ласковой улыбкой эти никуда не заходят. Напротив же Горюхино думать считать „неблагородно“ — своим собственным, а не чужим, и нежелательно, чтобы они знали свои колумбия лежи и проповеди, способные только выводить среди рабочих смех, да недоумение.

[illegible][illegible][illegible]

